

Ромашко Александр Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой общепрофессиональных
дисциплин
Сочинского филиала
Московского автомобильно-дорожного
государственного технического университета (МАДИ)

**РОССИЙСКИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ
КОНЦЕПТ В СОВРЕМЕННОМ
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ
МОДЕЛИРОВАНИИ: ОПЫТ
КРИТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ**

Аннотация:

В статье рассматривается роль цивилизационного концепта в современном политико-правовом (конституционном) моделировании. В теоретическом плане данный феномен понимается как политико-правовая идеология, призванная заполнить идеологический вакуум, образовавшийся с крушением прежней парадигмы общественного развития. Представлено понятие цивилизации в истории отечественной общественной мысли. Проанализированы конституционные проекты консервативного спектра. Показано основное противоречие российского цивилизационного концепта в его политико-правовом выражении.

Ключевые слова:

политика, право, цивилизационный концепт, российская правовая цивилизация, общественное сознание, идеократический менталитет, политико-правовая идеология, конституционные проекты.

Romashko Alexander Vladimirovich

PhD in Law,
Assistant Professor,
Head of General Vocational Courses Department,
Sochi branch of
Moscow State Automobile
and Road Construction University (MADI)

**THE RUSSIAN CIVILIZATION
CONCEPT IN THE MODERN
POLITICAL-LEGAL MODELING:
THE EXPERIENCE OF CRITICAL
COMPREHENSION**

Summary:

The article examines the role of the civilization concept in the modern political and legal (constitutional) modeling. In the theoretical framework the phenomenon is considered as a political-legal ideologem designed to fill the ideological vacuum formed after the collapse of the old paradigm of social development. The concept of civilization in the history of Russian social thought is reviewed. The constitutional projects of conservative spectrum are analysed. The basic contradiction of the Russian civilization concept in its political and legal form is also discussed.

Keywords:

politics, law, civilization concept, Russian legal civilization, social consciousness, ideocratic mentality, political-legal ideologem, constitutional projects.

Стихия политического вновь атакует российское правовое пространство, вопросы, еще недавно находившиеся на периферии научного поиска, оказались выдвинутыми на передний план. Признаком хорошего тона и академической респектабельности становится упоминание о российской правовой цивилизации, об особом пути ее развития, бинарная оппозиция «Россия – Запад» вновь обретает силу.

Отечественная общественная мысль, заимствовав понятие цивилизации из западно-европейского лексикона, активно использовала его уже в XIX в. В частности, П.Я. Чаадаев отмечал, что петровские преобразования и «образ действия всех последующих государей ввели у нас европейскую цивилизацию» [1, с. 516]. В представлении яркого представителя западничества цивилизационный процесс предстает как усвоение неких универсальных ценностей, которые могут быть переданы от одной крупной социальной общности другой. Кстати, Ф. Энгельс, не испытывавший ни малейших симпатий к России, вынужден был признать, ее «цивилизаторскую роль» (через восприятие европейского просвещения) в Черноморско-Каспийском регионе и в Центральной Азии [2, с. 241]. Данный тезис присутствует и в лексиконе представителей современной отечественной политической элиты, заявляющих о необходимости продолжения в современных условиях Россией своей цивилизаторской миссии на евразийском континенте. Впрочем, в новейшем подходе прослеживается идейная линия, восходящая к славянофильскому лагерю, взглядам Н.Я. Данилевского, представителям евразийского направления отечественной политико-правовой мысли. Она базируется на стремлении связать феномен цивилизации с локальной множественностью.

При этом в научных кругах, несмотря на попытки оформить учение о цивилизациях в самостоятельную науку, высказывается небеспочвенное мнение, что «сами по себе слова «цивилизация» и «миссия» не из строго научного языка» [3, с. 328]. В этой связи представляет интерес позиция известного российского социолога В.А. Ядова. «Российскую, можно сказать, цивилизацию, – пишет он, – отличают: (а) свойства институциональной матрицы, (b) уникальные культура и (с) мен-

талитет сограждан, (d) особенности поведенческих практик как «грамматик» исполнения нормативных предписаний» [4]. В самом речевом обороте «можно сказать, цивилизацию» читается некоторая неуверенность. И базируется она, как представляется, на неочевидности того, что мы условно назовем среднеарифметическим российской цивилизации. Иными словами, совпадут ли показатели институциональной матрицы, культуры, менталитета и поведенческих практик в тюркско-мусульманских регионах России с аналогичными номинациями на территориях с преобладающим славяно-православным населением. Очевидность данного несовпадения и привела некоторых исследователей к мысли о необходимости исходить в определении концептуальных параметров государственной национальной политики не из взаимодействия региональных культур (славянских, северокавказских, финно-угорских и т. д.), но цивилизаций. В частности, российский правовед Л.А. Стешенко, поясняя свою мысль, отмечает, что понятие региональной культуры уже и локальнее географически, в то время как цивилизация помимо культуры включает религию, традиционный образ жизни, институты общественного и семейного быта, исторические особенности и менталитет народа [5, с. 42]. Уязвимость подобного подхода очевидна. Во-первых, можно говорить лишь об относительной локализации соответствующих моделей. В ряде национальных республик титульные нации не составляют абсолютного большинства. Более того, отдельные этнические общности, оказывающие заметное влияние на российскую экономическую и общественно-политическую жизнь объединены в диаспоры и локализованы за пределами России. Совершенно очевидно, что осуществление государственной политики на основе выделения в России множества цивилизаций, как предлагает автор, создаст дополнительную теоретическую базу для развития дезинтеграционных процессов, в то время как политическое руководство неоднократно заявляло о необходимости формирования цивилизационной общности российских народов.

При этом тезис об уникальности отечественной цивилизационной модели, органично сочетающей различные национальные культуры и религии, не должен создавать иллюзию бесконфликтности, гарантирующую бесконечное этноконфессиональное равновесие, изначально присущее российской цивилизации. Не ставя под сомнение сам тезис, отметим следующее. Во-первых, органичность этой модели в каждый конкретно-исторический период, от Московского царства и до настоящего времени, основывалась не столько на «ботанике» национального многоцветья, сколько на «физике» государственного доминирования. Совершенно неслучайно отдельными исследователями развивается тезис «государство-цивилизация». Во-вторых, признаем очевидное: так и не реализовав мифологему о многонациональном советском народе как новой исторической общности, Советский Союз оставил своей правопреемнице в лице Российской Федерации ментально более однородное общество, нежели то, которое сформировалось в постсоветский период. Следует признать, что уже в царской России наблюдались определенные попытки унифицировать социальное пространство, впрочем, императорская власть объективно не имела того инструментария, который оказался в арсенале государства XX в. Развивая и модифицируя ленинский тезис о борьбе с «великорусским шовинизмом», коммунисты активно работали с национальными окраинами. С одной стороны, эксплуатируя тему свободного развития национальных языков и культур (оппонируя царизму), с другой – жестко контролируя местную этнократию. С ослаблением власти центра в конце 80-х годов этнические элиты, освободившись от опеки центральной власти и имея в своем распоряжении созданную коммунистическим режимом базу в виде квазигосударственных образований, небезуспешно попытались разыграть националистическую карту. В результате Конституция РФ закрепила уникальную модель, объяснить которую, оставаясь исключительно на формально-юридических позициях (вынеся за скобки политические аспекты), довольно сложно.

В российской теории цивилизаций как в зеркале отражается амбивалентность государственной политики. С одной стороны, присутствует осознание необходимости модернизации и продвижения по пути утверждения в общественном сознании представления о единстве российской цивилизации. С другой стороны, имеет место обратный процесс, связанный с культивированием этнической и религиозной уникальности соответствующих территорий и населяющих их общностей. Нетрудно спрогнозировать возрастающую угрозу того, что отнюдь не принадлежность к гражданству Российской Федерации, но конфессиональная идентичность будет предопределять в ряде случаев социальную активность личности, и именно последнее обстоятельство является существенным препятствием формирования единой российской политической нации.

Тенденцией новейшего периода, как верно указывает Б. Капустин, является активное продвижение цивилизационной проблематики в центр общественного дискурса [6, с. 85]. Смеем предположить, что в XXI в. такая категория, как «цивилизация», будет все более активно задействована в политико-правовом моделировании. Собственно говоря, уже в настоящий период можно обнаружить множество тому подтверждений. Политическое все чаще раскрывается через

такие элементы цивилизационного концепта, как конфессиональное, этническое, геополитическое и т. п. Причем если идеологи глобальной человеческой цивилизации признают существование неких универсальных ценностей, совпадающих с западными идейными императивами, то поборники цивилизационного «суверенитета» абсолютизируют и актуализируют даже не столько ценности традиционного общества, сколько собственное представление о них. Но поскольку, как известно, крайности сближаются, то в результате – одной мифологеме противопоставляется другая мифологема. Некоторыми авторами, ставится вопрос о необходимости *конвергенции цивилизаций*, причем России в этом процессе отводится главная роль как *духовному центру и ориентуру новой модели миростроительства* [7, с. 111]. В итоге *новое* (цивилизационное) мышление оборачивается на деле все теми же превращенными формами общественного сознания. И вновь идут рука об руку умышленное искажение и утопическая иллюзия.

Не вызывает сомнений идеократическая ментальность современного социума, сформировавшаяся под влиянием политико-правовых механизмов модерна. В результате *идеокреативность* [8, с. 141] общественного сознания в новых исторических условиях приводит к многочисленным попыткам доктринального обоснования духовных ценностно-мировоззренческих ориентиров национальной правовой системы и придания цивилизационному концепту качества юридической нормативности. Так, правовед-теоретик В.Н. Синюков, полагает, что подлинное существо современного момента состоит «в выходе на сцену истории российской цивилизации, новой во всех отношениях: экономическом, культурном, нравственном, правовом, национально-государственном» [9, с. 662]. Являя собой альтернативу существующих мировых порядков, она призвана показать «выход из тупиков, в которых оказалась западная цивилизация в начале XXI в.» [10, с. 662]. Не менее категоричен и В.В. Сорокин, утверждающий, что шанс «на достойное выживание человечеству дают именно духовные цивилизации, главной из которых выступает русская» [11, с. 535].

При этом в самом понимании цивилизации присутствует множественность подходов, подчас взаимоисключающих, от отождествления с культурой до противопоставления ей и от обособления от государства до полного слияния с ним. В обосновании российской цивилизации используются различные критерии (этнический, конфессиональный, геополитический, психолого-поведенческий и т. п.) и их комбинации.

В то время как одни исследователи вообще готовы усомниться в научном характере понятия «цивилизация», другие небезосновательно отмечают, что центральной проблемой современных цивилизационных процессов является многозначность и непрозрачность в политических терминах и дискурсах [12]. По-видимому, не будет чрезмерным преувеличением утверждение о преобладающем использовании рассматриваемого концепта не столько в позитивном ключе, сколько для формирования образа цивилизационного антипода с выстраиванием смысловой антитезы «они – мы». Причем в выборе аргументации недостатка не наблюдается. Например, сложно обосновать аксиологически морально-нравственное превосходство «государства-цивилизации» с коэффициентом суицида 29,1 на 10 тыс. чел. населения (в США, например, – 13,9) [13, с. 94], но проблема легко решается, если сместить общественное внимание на проблему легализации однополых браков в странах цивилизационного антипода. Аналогичные примеры можно продемонстрировать и с противоположной стороны. Так, авторы опубликованного летом 2015 г. лондонским Королевским институтом международных отношений доклада «*The Russian Challenge*» попытались обосновать противостояние России и коллективного Запада как конфликт ценностей [14].

В современном российском консервативном политико-правовом поле отчетливо прослеживается стремление противопоставить проекту *Moderniti* собственный «цивилизационный проект» [15; 16]. Наиболее явно это выражается в многочисленных попытках смоделировать альтернативную конституционному либерализму модель Основного закона, насытив ее соответствующей идеологией [17; 18]. В результате возникают довольно противоречивые гибридные формы. Показательным примером подобного подхода можно признать Конституцию Донецкой Народной Республики. В тексте преамбулы Верховный совет ДНР позиционировал себя в качестве неотъемлемой части русского мира, как русской цивилизации, заявив о приверженности его *идеалам и ценностям*, а также исповедании православной веры. Было заявлено о создании «суверенного независимого государства, ориентированного на восстановление единого культурно-цивилизационного пространства Русского Мира, на основе его традиционных религиозных, социальных культурных и моральных ценностей, с перспективой вхождения в состав Большой России как ореола территорий Русского Мира» [19, с. 14–15]. Совершенно очевидно, что подобное политико-правовое видение вступает в противоречие с действующей российской конституционной моделью светского государства. Впрочем, в самой России доктринальные разработки альтернативной модели государственного устройства ведутся довольно энергично. Так, в 2013 г. был представлен

общественности один из проектов новой Конституции. Основным законом понимается его разработчиками в качестве *идеологического и правового* акта, призванного определить жизнеустройство страны [20, с. 5]. В преамбуле проекта заявлено об историческом вкладе «самобытной русской (российской) цивилизации в мировое развитие» [21, с. 4]. Далее, в третьей статье закрепляется государственное преемство России «во всех ее формах, всех наименований, имевшихся в истории русской (российской) цивилизации» [22, с. 11].

Аналогичное положение содержится и в ранее представленном проекте Конституции, подготовленном группой консервативных аналитиков. В преамбуле документа провозглашается «ведомое Божьим промыслом Российское государство» [23, с. 7]. Фактически, это парафраз ст. 1 проекта Основного Закона Российской Империи, разработанного И.А. Ильиным [24, с. 510]. Рассматриваемая конституционная разработка *Института национальной стратегии* базируется на концептуальном проекте «государство-цивилизация» [25, с. 55–70], поэтому в первой статье упоминаются государственные формы как этапы развития российской цивилизации – Союз ССР, Российская империя, Московское царство и Древняя Русь [26, с. 7].

В свою очередь теоретики *Русской доктрины (Сергиевского проекта)*, предлагая радикальную ревизию российской правовой системы [27, с. 771–784], предприняли попытку выработать новую идеологию, обосновав духовное единство Святой Руси и Советской России. Уже в государственной деятельности Ленина ими усматривается «начало перехода от идеологии Коминтерна на рельсы традиционной державной сверхнациональной идеи, хотя и завернутой в марксистскую риторику» [28, с. 59]. При этом первый основополагающий правовой принцип Доктрины воспроизводит тезис об учреждении России Богом и невозможности ее переустройства кем бы то ни было [29, с. 772].

Изложенная позиция согласуется с точкой зрения С.С. Сулакшина, который полагает, что смысловая структура новой Конституции должна задавать российский ценностный выбор, причем высшей ценностью должно быть провозглашено «вечное существование самой страны Россия» [30, с. 61]. Предлагаемая исследователем номенклатура конституционных ценностей содержит пространственный перечень как правовых, так и морально-этических категорий. С одной стороны, автор перечисляет вполне традиционные для современного конституционализма понятия: территориальная целостность государства, суверенитет, признание прав и свобод человека, недопустимость расовой, этнической, религиозной, а также социальной дискриминации и т. п. С другой стороны, выделяются такие морально-этические категории, как любовь к Родине, альтруизм и сопереживание, семейственность, нестяжательство, дружба и братская солидарность этнических общностей, религиозность, идейно-духовная мотивированность человека и общества, наконец, преобладание духовно-нравственных мотивов и т. д. Возможный же конфликт высших ценностей, по мнению исследователя, должен разрешаться в пользу «высшей из высших ценностей» [31, с. 62].

Отмечая высокий нравственный порыв исследователя, нельзя не признать, что изложенные утопические построения свидетельствуют о непонимании главного – императивов религиозного сознания, когда статусом высшей ценности наделяется отнюдь не *земное*. Теоретически можно предположить, что предложенная конституционная модель будет работать, если в общественном сознании окончательно восторжествует секулярное начало, отводящее традиционной религии довольно скромное место на задворках частной жизни. Впрочем, есть и альтернатива – утверждение западных моделей гражданской религии, где центральным «божеством» станет страна (государство) или нация. В реальной же жизни, столь ценимые носителем секулярного мышления (каковым можно признать автора изложенной конституционной модели) ценности недорого стоят в глазах тех, кто грезит Вечностью, связывая представление о ней отнюдь не с земным Отечеством. Неслучайно, в современную эпоху предпринимаются все более активные попытки решить проблему с другого конца – выработать новую синкретическую религию, объединив в ней все традиционные религиозные практики. Другое дело, что православная традиция связывает создание единой мировой религии с исполнением христианских пророчеств о последних временах [32]. В этой связи небезынтересно было бы узнать, как будет разрешаться дилемма между православной ортодоксией и «вечным существованием страны», если для обеспечения гражданского мира возникнет потребность, например, «подкорректировать» недостаточно толерантное вероучение. Еще сложнее представить модернизацию исламского вероучения в плане привнесения сочувствия к идеям политеизма.

Стремление объединить диаметрально противоположные идеологии в рамках единого российского цивилизационного проекта предстает важным направлением современного российского политического дискурса. По мнению В.Н. Кузнецова, использование сетевого подхода и высоких гуманитарных технологий позволит синтезировать национальную идеологию России при сохранении многообразия и полноценного функционирования каждой идеологии [33].

Важно отметить, что главным адресатом рассмотренных выше концептуальных посланий выступает властная элита, которая демонстрирует впечатляющую эволюцию своих идеологических предпочтений [34]. В последние годы вполне отчетливо проявилось ее стремление и желание контролировать смысловую организацию в сфере циркуляции идей, что закономерно, ибо давно известно, *кто контролирует дискурс, тот контролирует всё*. Под влиянием мощного идеологического воздействия на социум в современной России «сформировался новый тип политико-правового сознания, который существенно отличается от всех предшествующих известных форм» [35, с. 70]. В нем самым парадоксальным образом скомбинированы постулаты экономического либерализма, идеи политической ортодоксии, элементы советской и имперской государственной атрибутики. При этом вопрос о роли элит в контексте проблематики политико-правового сознания является далеко не праздным. По мнению В.Э. Шляпентоха, с помощью культурологических концепций невозможно объяснить проблемы российского общества и спрогнозировать пути его развития. Исследователь полагает, что отнюдь не массы, а именно элиты выступают как хранителями консерватизма, так и инициаторами модернизационных процессов [36]. Попытаемся развить данный тезис применительно к проблематике исследования. Современным российским политическим, а отчасти и правовым трендом является активная эксплуатация «православного фактора» и соответствующее обоснование особого цивилизационного статуса страны, который, как указывается в монографии, подготовленной институтом социологии РАН, является не только предметом теоретизирования, но и основанием российской идентичности, определяющим специфику социально-политических трансформаций [37, с. 185]. Политический режим осуществляет активное инкорпорирование религиозных смыслов в публичное пространство, что вполне объяснимо; результаты социологических исследований демонстрируют гораздо более высокий уровень поддержки власти (более чем в два раза) именно в православной стране. Но это лишь верхняя часть айсберга. Его же «подводная» составляющая дает пищу для тревожных раздумий, которые прежде всего должны быть осознаны самой политической элитой. Российские ученые-социологи, солидаризируясь со своими зарубежными коллегами, отмечают уровень религиозности россиян ниже среднеевропейского [38, с. 171]. Если же присмотреться к мировоззрению российских «православных», то обнаружится поразительная картина: 13 % не верят в Бога; лишь 32 % признают загробную жизнь, 18 % верят в переселение душ; только 25 % допускают существование антитезы божественному («верят в черта») и т. д. [39, с. 170]. Таким образом, православная религиозность российского общества явление чрезвычайно условное. Разумеется, тактика использования конфессионального фактора в краткосрочной перспективе оказывается весьма эффективной, но в плане стратегии важно иное. Даже в религиозно-мировоззренческих стратах идея возвращения к национальным традициям и ценностям уступает первенство требованию *социальной справедливости*, которая «является абсолютным лидером во всех группах» [40, с. 186]. Таким образом, эксплуатация цивилизационной идеологии при сохранении сложившегося социально-экономического положения может привести к результатам весьма далеким от ожидаемых.

Ссылки:

1. Чаадаев П.Я. Записка графу Бенкендорфу (1832) // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. С. 516–517.
2. Энгельс – Марксу. Письмо от 23 мая 1851 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. XXVII. М., 1962. 696 с.
3. Тишков В.А. Российский народ как европейская нация и его евразийская миссия. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. Книга вторая / под ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодина, В.А. Тишкова. М., 2006. с. 318–332.
4. Ядов В.А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/blog_modern_1.html?&printmode (дата обращения: 04.12.2015).
5. Стешенко Л.А. Многонациональная Россия: государственно-правовое развитие X–XXI вв. М., 2002. 384 с.
6. Капустин Б.Г. Политические смыслы «цивилизации» // Капустин Б. Г. Критика политической философии : избранные эссе. М., 2010. С. 85–117.
7. Багдасарян В.Э. Идеология как фактор государственной успешности: сравнительный, исторический, страновой анализ // Национальная идея России : материалы Всероссийской науч. конф., 12 ноября 2010 г., Москва. М., 2011. С. 85–114.
8. Идеология: дух, смысл, разум / отв. ред. В.Ю. Колмаков. Красноярск, 2011. 302 с.
9. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М., 2010. 672 с.
10. Там же.
11. Сорокин В.В. Право и православие : монография. Барнаул, 2007. 547 с.
12. Адамьянц Т.З. Смысловые константы как гарантии стабильности и устойчивости, или Еще раз о взаимосвязи между научными концепциями и реальными процессами [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/blog_ad_29.html?&printmode (дата обращения: 04.12.2015).
13. Багдасарян В.Э. Указ. соч.
14. Giles K., Hanson P., Lyne R. et al. The Russian Challenge: Chatham House Report. June 2015. London, 2015. 58 p.
15. Ремизов М.В. Проект «государство-цивилизация» // Конституция России. Новый строй. М., 2005. С. 55–70.

16. Русская доктрина (Сергиевский проект) / под ред. А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова. М., 2007. 864 с.
17. Конституция России (проект) / под общ. ред. С.С. Сулакшина. М., 2013. 264 с.
18. Конституция России. Проект Института национальной стратегии. М., 2005. С. 5–55.
19. Конституция Донецкой Народной Республики. Принята Верховным Советом ДНР 14 мая 2014 г. // Материалы для новейшей истории Новороссии. СПб., 2014. С. 14–57.
20. Конституция России (проект).
21. Там же.
22. Там же.
23. Конституция России. Проект Института национальной стратегии.
24. Ильин И.А. Проект Основного Закона Российской Империи // Ильин И.А. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 7. М., 1998. С. 509–572.
25. Ремизов М.В. Указ. соч.
26. Конституция России. Проект Института национальной стратегии.
27. Русская доктрина (Сергиевский проект).
28. Там же.
29. Там же.
30. Сулакшин С.С. Национальная идея России: философское, управленческое и правовое содержание // Национальная идея России: материалы Всероссийской науч. конф., 12 ноября 2010 г., Москва. М., 2011. С. 24–62.
31. Там же.
32. Рябинин В.А. Идеология «тайны беззакония»: Философский и политический анализ идеологии «мондиализма». М., 2009. 440 с.
33. Кузнецов В.Н. Идеология развития России. М., 2010. 500 с.
34. Подберёзкин А.И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. II. Эволюция идеологии Российской политической элиты (1990–2011 гг.). М., 2012. 402 с.
35. Идеология: дух, смысл, разум / отв. ред. В.Ю. Колмаков. Красноярск, 2011. 302 с.
36. Шляпентох В.Э. Элиты, а не массы – главный хранитель консерватизма и главный мотор социальных преобразований [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/blog_modern_4.html?&printmode (дата обращения: 04.12.2015).
37. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М., 2015. 336 с.
38. Там же.
39. Там же.
40. Там же.

References:

1. Chaadaev, PY 1991, 'Note to Count Benkendorf (1832)', in Chaadaev, PY, *Complete works and selected letters*, Moscow, p. 516-517.
2. 'Engels to Marx. Letter dated May 23, 1851' 1962, in Marx, K and Engels, F, *Works*, 2nd ed., vol. XXVII, Moscow, 696 p.
3. Tishkov, VA 2006, *The people of Russia as a European nation and its Eurasian mission. Basic Research Program of the Presidium of the Russian Academy of Sciences. Book Two*, Moscow, p. 318-332.
4. Yadov, VA 2015, *On the question of the national characteristics of modernization of Russian society*, retrieved 04 December 2015, <http://www.isras.ru/blog_modern_1.html?&printmode>.
5. Steshenko, LA 2002, *Multiethnic Russia: state-legal development of the X-XXI centuries*, Moscow, 384 p.
6. Kapustin, BG 2010, 'The political meaning of "civilization"', in Kapustin, BG, *Critique of Political Philosophy: Selected essays*, Moscow, p. 85-117.
7. Bagdasarian, VE 2011, 'The ideology of the state as a factor of success: a comparative, historical, country analysis', *The national idea of Russia: Materials of All-Russian scientific Conf. on November 12, 2010*, Moscow, p. 85-114.
8. Kolmakov, VY (ed.) 2011, *The ideology of the spirit, meaning, mind*, Krasnoyarsk, 302 p.
9. Sinyukov, VN 2010, *The Russian legal system. Introduction to the general theory*, 2nd ed., Moscow, 672 p.
10. Sinyukov, VN 2010, *The Russian legal system. Introduction to the general theory*, 2nd ed., Moscow, 672 p.
11. Sorokin, VV 2007, *Law and Orthodoxy: monograph*, Barnaul, 547 p.
12. Adamyants, TZ 2015, *Semantic constant as a guarantee of stability and sustainability, or again on the relationship between scientific concepts and real processes*, retrieved 04 December 2015, <http://www.isras.ru/blog_ad_29.html?&printmode>.
13. Bagdasarian, VE 2011, 'The ideology of the state as a factor of success: a comparative, historical, country analysis', *The national idea of Russia: Materials of All-Russian scientific Conf. on November 12, 2010*, Moscow, p. 85-114.
14. Giles, K, Hanson, P & Lyne, R et al. 2015, *The Russian Challenge: Chatham House Report*, June 2015, London, 58 p.
15. Remizov, MV 2005, 'The "State civilization"', *Russian Constitution. The new order*, Moscow, p. 55-70.
16. Kobayakov, AB and Averyanov, VV (ed.) 2007, *The Russian doctrine (Sergius project)*, Moscow, 864 p.
17. Sulakshin, SS (ed.) 2013, *The Russian Constitution (draft)*, Moscow, 264 p.
18. *The Constitution of Russia. Draft National Strategy Institute* 2005, Moscow, p. 5-55.
19. 'The Constitution of the People's Republic of Donetsk. Adopted by the Supreme Council of the DNI May 14, 2014' 2014, *Materials for the modern history of New Russia*, St. Petersburg, p. 14-57.
20. Sulakshin, SS (ed.) 2013, *The Russian Constitution (draft)*, Moscow, 264 p.
21. Sulakshin, SS (ed.) 2013, *The Russian Constitution (draft)*, Moscow, 264 p.
22. Sulakshin, SS (ed.) 2013, *The Russian Constitution (draft)*, Moscow, 264 p.
23. *The Constitution of Russia. Draft National Strategy Institute* 2005, Moscow, p. 5-55.
24. Ilyin, IA 1998, 'The draft of the Basic Law of the Russian Empire', in Ilyin, IA, *Collected Works: in 10 vol.*, vol. 7, Moscow, p. 509-572.
25. Remizov, MV 2005, 'The "State civilization"', *Russian Constitution. The new order*, Moscow, p. 55-70.
26. *The Constitution of Russia. Draft National Strategy Institute* 2005, Moscow, p. 5-55.
27. Kobayakov, AB and Averyanov, VV (ed.) 2007, *The Russian doctrine (Sergius project)*, Moscow, 864 p.
28. Kobayakov, AB and Averyanov, VV (ed.) 2007, *The Russian doctrine (Sergius project)*, Moscow, 864 p.
29. Kobayakov, AB and Averyanov, VV (ed.) 2007, *The Russian doctrine (Sergius project)*, Moscow, 864 p.
30. Sulakshin, SS 2011, 'The national idea of Russia: philosophical, administrative and legal content', *The national idea of Russia: Materials of All-Russian scientific Conf. on November 12, 2010*, Moscow, Moscow, p. 24-62.

31. Sulakshin, SS 2011, 'The national idea of Russia: philosophical, administrative and legal content', *The national idea of Russia: Materials of All-Russian scientific Conf. on November 12, 2010, Moscow*, Moscow, p. 24-62.
32. Ryabinin, VA 2009, *The ideology of "the mystery of iniquity": philosophical and political analysis of the ideology of "mondialism"*, Moscow, 440 p.
33. Kuznetsov, VN 2010, *The ideology of development of Russia*, Moscow, 500 p.
34. Podberezkin, AI 2012, *National human capital: 5 vols.*, vol. II: The evolution of the ideology of the Russian political elite (1990-2011), Moscow, 402 p.
35. Kolmakov, VY (ed.) 2011, *The ideology of the spirit, meaning, mind*, Krasnoyarsk, 302 p.
36. Shlapentuch, VE 2015, *The elites, not the masses - the chief curator of conservatism and the main engine of social change*, retrieved 04 December 2015, <http://www.isras.ru/blog_modern_4.html?&printmode>.
37. Gorshkov, MK & Petukhov, VV (ed.) 2015, *The Russian society and the challenges of the time. The first book*, Moscow, 336 p.
38. Gorshkov, MK & Petukhov, VV (ed.) 2015, *The Russian society and the challenges of the time. The first book*, Moscow, 336 p.
39. Gorshkov, MK & Petukhov, VV (ed.) 2015, *The Russian society and the challenges of the time. The first book*, Moscow, 336 p.
40. Gorshkov, MK & Petukhov, VV (ed.) 2015, *The Russian society and the challenges of the time. The first book*, Moscow, 336 p.